

Ю.В. Казаков

УДК 179.1

Набережная неисцелимых и время неисправимых. О скелетах в шкафах – и не наступающей моде

Аннотация. В статье анализируются предпосылки, начало (90-е годы XX в.) и современная ситуация профессионально-этической институционализации отечественной журналистики. Рассматриваются два типа журналистики с точки зрения миссии профессии: старый (советский) и молодое поколение журналистов 1990-х гг. Обращаясь к опыту проектной деятельности по культивированию профессионально-этических ориентиров профессии, автор показывает противоречие: с одной стороны, признание журналистами значимости профессионально-этических ориентиров, с другой – их прагматические установки в практической деятельности, не связанные с этикой профессии. Взвешивается потенциал документа «Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу», определяющего основные стандарты журналистской профессии, на которые опирается Коллегия при рассмотрении жалоб.

Ключевые слова: прикладная этика, саморегулирование профессии, медиаэтический стандарт, профессионально-этическая институционализация, коллегия по жалобам на прессу.

1

Чтобы не передержать интригу со связкой слов в заголовке статьи, восходящих, конечно же, к Иосифу Бродскому: «*Неисцелимый*», который будет порой возникать в этом тексте (увы, уже в единственном числе), это *Владимир Иосифович Бакштановский*, он же *ВИБ*. Были времена, когда их, *неисцелимых*, было двое на каждую обложку новой книги. В переписках наших они значились как *ВИБ* и *ЮВС* (*Юрий Ваганович Согомонов*), но поставленные в ряд фамилии прочитывались как название фирмы: «Бакштановский и Согомонов».

«*Неизлечимых*», продолжающих верить в то, что прикладная этика если и не спасёт мир, то существенно повлияет на занятых своим делом профессионалов, не так много (тут счёт на десятки, на сотни максимум, мне думается), но пока ещё достаточно: и вокруг В.И.Бакштановского, и на почтительном (но ведь с поворотом голов в его сторону) расстоянии.

Ну, а «*неисправимых*», привычно бытующих в своих рабочих пространствах, живя от них, но обходясь без моральной рефлексии на тему «служения», тьмы и тьмы. И живут эти тьмы в потьмах нима-

ло не беспокоясь о том, что уже разминутись или ещё разминутся с поисковиком «НИИ прикладной этики (НИИ ПЭ)», неспешно поспешающим в очередную «за далью даль».

Я не о поисковике, однако, и даже не о его капитане. Я – о конкретных *моих неисправимых*: тех, что с уверенностью умельцев-ремесленников гонят строчки, дробящие души, и выбрасывают в эфир сюжеты, подрывающие веру в человека. Называя себя журналистами и профессионалами, *неисправимые* эти в большинстве своём не подозревают, что дело, которым они занимаются, когда-то было отнесено двумя *неисцелимыми* к «высоким профессиям». Может быть, и к лучшему, что не подозревают?

Давным-давно оставив отовсюду заметную, но плохо размеченную *территорию неисправимых*, и так и не перебравшись (по счастью) на *набережную неисцелимых-неизлечимых*, я последние два десятка лет занимаюсь странной, не очень серьёзной, по мнению одних, вовсе бессмысленной, по мнению других, но достаточно нервной работой, связанной с попыткой установить правоту или неправоту представлений гражданина, задетого публикацией, о той категории информационных споров, за которыми узнаётся или угадывается сбой профессиональной этики журналиста. Семь последних лет я исполняю роль «играющего тренера» *Общественной коллегии по жалобам на прессу*: двухпалатного российского органа само- и регулирования в сфере массовой информации. Откликаясь на очередную жалобу гражданина или организации, пытаюсь вместе с коллегами навести мосты между самым задетым, *территорией* СМИ, живущей своей жизнью, – и достаточно условной в данном случае *набережной*: неизменно оглядываясь, хотя бы внутренне, на Тюмень, на НИИ ПЭ. А вдруг там собираются повторить известную вылазку на *территорию неисправимых* конца 90-х?

Поскольку вступление затянулось, но ещё не закончилось: помните, чем именно начинается выход на *Fondamenta degli incurabili* в эссе «Набережная неисцелимых» Иосифа Бродского [1]? «Однажды днём, в ноябре 1977 года в гостиницу «Лондон», где я остановился благодаря любезности «Выставки несогласных», мне позвонила Сюзанна Зонтаг, остановившаяся в «Гритти» по той же причине. «Иосиф, – сказала она, – я тут на площади наткнулась на Ольгу Радж. Ты её знаешь?».

Главка о посещении Бродским «за компанию» вдовы Эзры Паунда (блестящий, кстати сказать, образец вкрапления политического, но морально окрашенного сюжета в литературный текст), которая начинается приведённым абзацем, заканчивается фразой, фрагмент

которой и дал в итоге название его эссе: «От дома мы пошли налево и через две минуты очутились на Фондамента делла Инкурабили».

Моё почтение всем, кто сходу прочитал *Fondamenta degli incurabili* именно как «Набережную неисцелимых». «Спасибо, знаю», – тем из них, кто помнит, что у Бродского в названии набережной стояли «неизлечимые», а «неисцелимых» ему подкинул Пётр Вайль. Моя надежда, однако, не столько на обладающих хорошей памятью, сколько на зацепившихся глазом и ухом за перекличку «неисцелимых» и «несогласных»: она нам понадобится.

Соединяя глаз и ухо, пишу: «Однажды днём, в ноябре 1987 года в мою комнату заглянул Виталий Дымарский, только что вернувшийся из очередной командировки. «Слушай, я там познакомился с Владимиром Бакштановским. Ты его знаешь?»

«Заглянул» означает: зашёл из соседней комнаты на Зубовском бульваре, 4. На Зубовский сразу после Олимпиады-80 переехало наше Агентство печати «Новости», АПН. Малую часть одного из коридоров на четвертом этаже этого тетраэдра занимала наша с Дымарским небольшая по численности, но самая актуальная на тот момент редакция, именовавшаяся «Опыта и проблем перестройки».

Это и была полоса *перестройки*, время тектоническое. 70-летняя Советская власть предпринимала решительную (как оказалось – последнюю, но кто знал заранее?) попытку самоспасения: одной рукой вводя гласность, а другой пытаюсь модернизировать, «советизировать», очеловечить обветшавшую партийно-политическую матрицу.

Тогда, в 1987-м, Дымарский вытащил-таки меня в Нижневартовск, на «Самотлорский практикум». Где и познакомил с Владимиром Бакштановским: к тому времени давно уже «д.филос.н., проф.», но при этом замечательно молодым ещё изобретателем (вместе с Ю.В. Согомоновым и В.А. Чуриловым) «этических деловых игр». В тогдашней системе координат – игр партийно-политических: и по адресу основного заказчика и соразработчика¹, и по месту приложения к пейзажу и к судьбам этического «тестора» со странными свойствами мощного нагревательного прибора.

Для особо внимательных, усмотревших противоречие в предыдущих абзацах, уточнение: *этические деловые игры* Бакштановского, Согомонова и Чурилова, призванные, вроде бы, укреплять влияние партии, эту самую партийно-политическую матрицу не просто

---

¹ Валерий Чурилов был тогда первым секретарём Ханты-Мансийского окружного комитета КПСС, т.е. реальной персонифицированной (номер один) властью на огромной территории.

расшатывали, но взламывали: обращением к здравому смыслу, совести и самоуважению человека. Первое, второе и третье проявлялось при запуске странной «зуды» (привет от любимых Бакштановским братьев Стругацких!) *этической проблематизации* проживаемой и переживаемой тогда миллионами людей ситуации морального выбора. Бакштановский и его команда переносили холодноватое вселенское общее («а, опять про мораль!») на перегретое частное: с проявлением реакции на собственной, не бесконечно толстой коже.

Здесь и далее – не об играх, в которые играли люди в то время, однако, и не о людях, создававших отличные от всех других – именно этические деловые игры.

Здесь и далее – об уже не короткой, настойчивой, самоотверженной, но не самой продуктивной попытке известного содружества прикладных этиков побороться с порядками, бытующими на *территории* моих *неисправимых*. Не то, чтобы сдвинуть с привычного места отечественную журналистику, но создать предпосылки для движения занятых в ней в предполагаемо правильном направлении известным, своим путём: привнесением – в качестве *системообразующего* – *этического* начала в то *системно-внеэтическое*, что именовалось «журналистской профессией» во времена СССР.

2

Что полагаю полезным зафиксировать с места свидетеля: между 1987-м годом, когда в Нижневартовске прошел первый «Самотлорский практикум», и годом 1995-м, когда в Москве вышла книга «Становление духа корпорации: правила честной игры в сообществе журналистов», пролегает системный рубеж геополитического характера и масштаба: уход в нети государства, известного как *Советский Союз (СССР)*, и приход на его место государства с названием *Российская Федерация (Россия)*. Это – *историческое* всеобщее, полезная банальность.

А вот *историческое частное*, если угодно, ещё только находящееся на подходе, *корпоративное*. В моём календаре событий первого ряда, пусть и не глобального масштаба и значения, отмечена примерно совпадающая с первой, геополитической, локальная межа, не последняя для истории новой страны, поскольку дело касается *становления в России журналистской профессии*.

Говоря об этой – другой меже, я в данном случае имею в виду не какое-то конкретное событие фактического порядка (хотя и такое есть: принятие Закона РФ «О СМИ», в нормы которого включены этические компоненты), но проявившееся по конкретному поводу ра-

дикальное изменение подхода содружества Бакштановский-Согомонов к журналистике и журналистам.

Речь о состоявшемся не в день, не вдруг переходе от отношения «пользовательского» к исследовательскому, экспертному и консультативному. Переход этот произошёл в 1992-1993 годах: во время определенно не лучшее и для журналистики, и для науки; но временно-то не выбирают.

Когда нас познакомили, советский журналист как таковой был В.И. Бакштановскому и Ю.В. Согомонову мало интересен, мне кажется, – в отличие от людей из конкретного именного списка московских журналистов и редакторов (Егор Яковлев, Виталий Коротич, через годы – Сергей Корзун и Виктор Лошак), ходивших тогда во властителях демократических дум. Наверное, где-то на заднем плане вставал вопрос о журналистике как институте влияния, связанный, впрочем, не столько с ролью, функцией, узнаваемостью журналиста в не затянувшуюся «эпоху перестройки», сколько с отсутствием заранее выверенной разгадки необъяснимого, непропорционального воздействия этого института на жизнь советского человека, но не более того.

Журналист как таковой учитывался как фактор, но рассматривался элементом достаточно специфической, советской журналистики, партийной в основе, а потому малоинтересной людям, работающим с таким предметом, как этика профессий: до проявления каких-то новых, не канонических черт в самой журналистике, по крайней мере, до появления в ней журналиста другого, действительно нового типа.

Тема (именно как направление исследований), именуемая «профессиональная этика журналиста», была введена в российскую повестку дня связкой акторов Бакштановский и Согомонов, соавторов проектной заявки «Становление духа корпорации». Как мне представляется задним числом, ориентирована она была скорее на изучение² того типа журналиста, который был т.н. «лидером перестройки», чем журналиста реально нового, с заметно отличающимся от предшественника подходом к миру и профессии. В качестве авторов текстов или интервьюируемых для замечательной книги «Становление духа корпорации. Правила честной игры в сообществе журналистов» в Москве и Тюмени: опрашиваются в качестве собственно профессиональных, а также научных и гражданских экспертов люди, которым долатовский типаж (напомню замечательный по яр-

---

² В качестве выжившего, преодолевшего, начинающего переходить в жизнеспособные, более того – в успешные в *новом*, другом времени, - Ю.К.

кости художественного обобщения портрет одного из героев довла- товского «Компромисса», обратив внимание на то, что всё самое главное про советскую журналистику было сказано автором самим названием книги) в его новом, вполне успешном, состоянии определенно не близок.

Результат, каким его вижу сегодня: ту замечательную книгу, 1995-го года издания [4], мы (тут я говорю как один из четверых её соредкторов) изначально выстроили как памятник собственным представлениям о становящейся и в России профессии, но не как беспристрастное исследование нового профессионала и его взглядов на всё то, в чем он барахтается. Последнее (именно новое: тяжёлое, смутное, с неправильной органолептикой) мы оставляли кому-то, возможно – социологам, поскольку пришли-то, по большому счёту, не столько изучать, сколько просвещать, помогать поворачивать головы в предполагаемом правильном направлении.

Подход, безусловно имеющий право на жизнь, особенно во времена и в ситуациях высокой моральной неопределенности. Но всё же, всё же, всё же...

3

Почти безоценочно за давностью лет говорю о своём нынешнем, опоздавшем на годы и десятилетия понимании того, где именно мы, выйдя в поиск, предполагавшийся непредзаданным, свернули направо, к *набережной неисцелимых*, разминувшись с будущей профессией в её тогдашних реалиях.

Отказавшись от основательного изучения контекста, условий, специфики существования журналистской полупрофессии в постсоветском пространстве, мы начали искать в ней соответствие собственным, в значительной мере – прежним представлениям о том, какой журналистской профессии надлежит быть. Признавая, что грех тот – в значительной мере именно мой, потому как во всей тогдашней команде «оттудашие» корни обнаруживались у меня одного (даже Алексей Симонов был все же представителем совсем другой профессии), я в значительной мере в таком именно подходе вижу причину итогового неуспеха нашего захода на территорию журналистики в 90-х: и это притом, что к исходу 90-х заход этот имел все признаки успеха частного и даже вполне прорывного: в виде *Тюменской этической медиаконвенции (ТЭМК)* [5], прежде всего. Этот замечательно красивый, дорогой мне и по сей день документ обнаружился нежизнеспособным прежде всего потому, полагаю, что на контакт с конкретной профессией (на её переломе, что важно) мы вышли без приглашения и без понимания оснований самого перелома, во-пер-

вых. И, во-вторых, с «объектной» установкой на выработку конкретных «правил честной игры»: не отвечавшей, увы, конкретному времени на часах российской журналистики вообще и российской региональной журналистики, в особенности.

Понятно, с чем была связана наша ошибка: с эйфорией закрепления и уплотнения свободы массовой информации и свободы выражения мнений, с куражом по поводу гипотетических новых возможностей, которые открывает профессии и её представителям моральный выбор журналиста как поле, которое предстоит осваивать новым профессионалам...

В самом деле, в совсем новой стране, Российской Федерации, свобода массовой информации начинает ориентироваться на новый и объявляющий себя базовым Закон РФ «О СМИ»; это рубеж 1991-1992 года. Почти следом (с перерывом на один общенациональный кризис октября 1993-го, чтобы не забыть; со стрельбой по Белому дому и с белыми пятнами на полосах ряда московских газет) обнаруживается подготовленным, сформированным достаточно основательный ответ на вопрос об обновлении представлений о «профессиональном сообществе» журналистов, с одной стороны. А с другой – о профессионально-этических предписаниях этого сообщества для своих членов. Обнаруживается, более того, что и сообществ, готовых всерьёз заниматься профессиональной этикой журналиста, как минимум, два, пусть и очень разных в том, что касается условных весовых категорий. (Громадный Союз журналистов России, наследник Союза журналистов СССР, – и крохотная, менее чем в три десятка членов, Московская хартия журналистов.) Важен факт: в 1994 году принимаются и вводятся в жизнь сначала *Декларация Московской хартии журналистов*, а затем *Кодекс профессиональной этики российского журналиста*.

Первый абзац *Кодекса*: «Журналист всегда обязан действовать, исходя из принципов профессиональной этики, зафиксированных в настоящем кодексе, принятие, одобрение и соблюдение которого является неременным условием для его членства в Союзе журналистов России».

Первый абзац *Декларации*: «Подтверждая общность в понимании нашего гражданского и профессионального долга, мы скрепляем своими подписями настоящую Хартию, и тем принимаем на себя взаимные обязательства способствовать укоренению, распространению и защите в России нижеследующих принципов, уважение которых мы полагаем неременной и неоспоримой основой развития честной, свободной, профессиональной журналистики».

Выдох первый (предмет эйфории): в России появились этически предъявившие себя городу и миру профессиональные сообщества. Выдох второй: при безусловных различиях этих сообществ (члены малого, нового, не хотят иметь ничего общего с членами нового-старого, большого), их задекларированные ценности, принципы, представления о нормах малоразличимы!

Профессионализация на марше, профессиональная этика и в России тоже начинает задавать тон деятельности журналиста от Москвы до Магадана, от Пензы до Владивостока. Ура?

4

Но ровно в этот момент ещё только становящаяся на ноги в России, делающая самые первые шаги старая-новая профессия попадает под каток новейшей отечественной истории. Не имея возможности отсидеться в «инкубаторе», она вместе со страной не проходит, а продирается через войну в Чечне. Следом, не отдышавшись, через вторую войну: правила игры для журналистов на которой уже решительно другие, чем в первой.

А далее – нищая, по большей части, – проходит через сито выборов начальников территорий: заметно изменяющих материальное положение тех СМИ и их сотрудников, которые не то, чтобы согласились на время забыть о профессиональных обязанностях журналиста в ситуации выборов (да кто же их учил, этим обязанностям?), но, привычным верхним чутьём разделив высокое и кормящее, решили не терять время и силы на пустое, бездоходное или даже затратное, если разобраться.

Чтобы не потерять специфику той ситуации: мы с В.И. Бакштановским, используя любой шанс, как минимум, с 1997-го ездили по стране, собирали семинары, пели про профессиональную этику журналиста и моральный выбор, про кроху сына, пришедшего к отцу с известным вопросом, и про бедного, но ведь не до конца безнадёжного, если о нём помнят, Сизифа.

Нас слушали, нас дополняли, нам подбрасывали примеры, под нас замечательно заполняли анкеты...

И что? Да ничего, семинар – отдельно, а жизнь отдельно, как вскоре же выяснялось; всё, что про этику – пикник на обочине. Не потому, что сказанное не интересно или не важно, но тут у нас сейчас, понимаете... Ровно в это время через прессу проходят (выборы президента на носу!) силовые линии уточняемых отношений как бы новой журналистики с властью и с держателями реальных инструментов влияния (серьёзных денег, в том числе) и связанных с ними льгот и преференций: с демонстрацией льгот и привилегий для ум-

ных, с намёком на ледяночки и финансовые удавочки для туповатых, не понявших, как можно и как не стоит вести себя в новом мире.

Одни разъясняют редакциям простые правила этой самой новой жизни, а другие говорят про то, что профессионализм журналиста неотделим от этики. Ещё как отделим, если кормят-то как раз – именно редакцию! – заказные материалы.

Утрирую, понятно; снижаю картинку становления журналистики до гротеска, сознательно избегая втягивания, например, в историю становления успешных масс-медиа и устойчивых медиахолдингов. Это – отдельная, но точно не моя тема.

Что до близкой мне, то вот как выглядел в то время результат *поиска ординара* профессии, обобщённый портрет российского журналиста второй половины 90-х, созданный через обнаружение его системных дефектов. Давно не цитировал список «беспокоящих особенностей российской прессы», пунктиром прописанный Энн Олсон: известной американской журналисткой, в конце 90-х – исследователем новых российских СМИ. Как исследователь местной и региональной журналистики Энн в то время не объехала даже, а буквально исползала российскую глубинку. Оттуда, из глубины и её «беспокоящие особенности». Какие именно?

Вот портрет российского журналиста (ровно из того времени, когда формировалась *Тюменская этическая медиаконвенция*) от Энн Олсон: «1. Отсутствие заинтересованности журналистов в осуществлении права граждан на информацию. 2. Распространенность журналистики ради выгоды – в различных ее проявлениях. («Приоритет выгоды» – так был сформулирован диагноз.) 3. Готовность полагаться на официальную информацию, не проверяя ее, – и нежелание искать информацию об обществе в самом обществе, служить гражданам «инструментом» формирования новой демократии. 4. Стремление оказывать влияние на тех, кто обладает властью или деньгами, выступая при этом в роли просителей средств; готовность зависеть от государства, игнорируя тот факт, что получающему от него деньги затруднительно говорить правду о делах федеральных или местных властных структур. 5. Незаинтересованность в доверии читателей, проявляющая себя отсутствием ссылок на источники информации, – и стремлением журналиста самому постоянно выступать в этой роли. 6. Вольное обращение с фактами и мнениями, неразделение факта и комментария журналиста. («Я знаю, что это российская традиция, но я думаю, что это одна из причин, почему российские читатели не доверяют газетам».) Специальное уточнение «ревизора»: эта проблема по важности – «первая в списке». 7. Отсутствие стремления беспристрастно подавать сами факты. 8. Час-

тое использование журналистом псевдонимов и его готовность печататься под разными именами в различных газетах. 9. Широкое участие газетных корреспондентов в составлении рекламных материалов для коммерческих или политических рекламодателей, в том числе и выходящих за подписью авторов. 10. Активная практика публикации скрытой рекламы – распространенное нарушение сразу и норм профессиональной этики, и закона».

Сравните, кому это интересно, два портрета журналиста: советский (довлатовский) времён раннего застоя, и постсоветский (Энн Олсон), относящийся к российскому журналисту конца девяностых.

А теперь добавьте к сказанному представления о некоторых существенных чертах журналиста конца 90-х, черты, выделенные в достаточно давнем уже исследовании Светланы Пасти (Университет Тампере): «Современная журналистика формируется двумя типами профессиональных ролей, которые, в свою очередь, представляют два типа профессиональной субкультуры: старшего поколения – советские практики, вступившие в профессию в советское время, и молодого поколения – постсоветские практики, кто пришел в профессию в 1990-е годы.

Старшее поколение по определению гомогенно и консервативно, представлено “стандартными” профессионалами, кто был рекрутирован в журналистику, в основном, после школы и армии и обучен, главным образом, в университете согласно государственной политике развитого социализма. Будущие журналисты были заботливо отобраны, (...) они прошли школу советской теории и практики журналистики и были, как правило, социализированы через членство в партии. Сегодня они продолжают культивировать взгляд на журналистику в естественной связке с властью. Как и прежде, они берут на себя ответственность за поддержание социального порядка и оказание практической помощи людям. Они выступают в роли *социально-го организатора* с соответствующими функциями воспитания, просвещения и наказания. Они продолжают работать в ведущих информационных медиа, основанных в советское время, и участвовать в традиционной профессиональной ассоциации – Союзе журналистов. Они утверждают корпоративную солидарность, поддерживая друг друга в профессии и жизни, соблюдая этику советского журналиста (отрицая плагиат, неграмотное письмо и речь, разделяя преданность профессии и так далее).

Молодое поколение 1990-х значительно отличается от старшего по своему происхождению, взглядам на журналистику, способностью совмещать различные виды профессиональной деятельности. Оно представляет больше гетерогенную субкультуру, состоящую из

индивидов в возрасте от 20 до 45 лет, различной этнической принадлежности, происхождения, образования, опыта и социальной базы (слесарь – преподаватель университета). Постсоветские практики пришли в профессию гораздо позже, чем советские (в исследовании эта разница составляет 20 лет) и преследовали скорее свои собственные интересы в журналистике, нежели ориентировались на романтический образ (государственной) публичной службы. Быстрое развитие медиарынка (в Санкт-Петербурге от 118 медиа в 1991 году к 4000 медиа в 2001 году) потребовало новых работников. Благодаря новым законам о СМИ и об общественных объединениях (1991) журналистика как сфера профессиональной деятельности стала доступна дилетантам. Среди пришедших были те, кто не мог вступить в профессию прежде из-за социального и этнического происхождения, кто не был удовлетворен доходами, карьерными перспективами и возможностями для творчества на прежних работах. Те, кто пришел в 1990-е годы, не испытывали нужды в профессиональном объединении, они предпочитали действовать в одиночку, конкурируя между собой и ориентируясь на материальную выгоду, творческие амбиции и новые жизненные перспективы.

Более того, молодое поколение вполне устраивает роль *развлекателя* и поиск сенсационной повестки дня. Оно воспринимает журналистику больше как пиар для продвижения политических и экономических интересов медиаклиентов (влиятельных персон и групп в политике и бизнесе). Постсоветские практики работают как в традиционных, так и в новых медиа, появившихся в последнее десятилетие. Чаще, чем старшие профессионалы, молодежь совмещает штатную и внештатную работы, оказывая услуги не только в журналистике, но и в коммерческом секторе экономики. (...)

Принцип персонального принятия решений присущ большинству практиков и он лежит в основе большинства рабочих методов. Журналисты сами отбирают информацию, источники и темы; определяют стратегию работы с источниками, добычи информации и ее подачи; рабочие методы, жанры, пути влияния на аудиторию и пути заработка. Это свидетельствует, что журналисты имеют значительную автономию как в профессиональной деятельности, так и на рынке труда. Однако среди самых доминирующих критериев, определяющих принятие журналистом решения, обнаружены: *редакционная линия (соблюдение интересов учредителей, спонсоров и рекламодателей медиа)* и *самоцензура (страх суда, криминальных структур и увольнения с работы)*. То есть, в работе персональное принятие решения оказывается компромиссом журналиста-производителя материала с редакционной политикой медиа и теми обстоятельства-

ми, которые не гарантируют сегодня журналисту защиты от нынешнего законодательства, преступного мира и нанимателя. Автономия журналиста на уровне личности превращается в профессиональный компромисс (конъюнктурную сделку) на уровне медиаорганизации. Вне штатной работы журналист действует автономно, как наемный работник, когда зарабатывает деньги в свое свободное время в других медиа и коммерческих организациях, а также, когда делает заказные материалы для своих частных клиентов.

На штатной работе большинство все еще воспринимает себя в качестве государственных служащих: ориентируясь на официальные структуры и полагаясь на них как на источники информации. Журналисты все еще предпочитают такие практики, которые ориентированы на «дружбу» медиа с чиновниками и, таким образом, обеспечивают их доступ к официальным кругам. Среди таких практик обнаружены: сокрытие фактов или умолчание о факте, публикация непроверенной информации, подготовка заказных материалов, раскрытие имен пострадавших и преступников до решения суда. Журналисты удовлетворяются повесткой дня, сформированной в большей степени в угоду нынешней политической власти. Их профессиональные цели изменились мало, поскольку они участвуют в политических кампаниях на стороне властей.

С другой стороны, когда журналисты используют рыночные альтернативы для оказания журналистских услуг в обществе (вторая работа, заказные материалы, скрытая реклама), они действуют как свободные наемные работники – производят заказной продукт и получают дополнительную прибыль. Они идентифицируют этот труд как халтуру и не считают ее за настоящую журналистику. Такая автономия журналиста от его главного (штатного) нанимателя есть своего рода транзитная форма в развитии его профессиональной идентичности от государственного к рыночному менталитету. На практике она выступает как стратегия выживания и самозащиты, позволяющая совмещать штатную и внештатную работы, воспроизводя старые и адаптируясь к новым ролям».

Прошу прощения за эту длинную цитату. За ней, как и за выводами Энн Олсон стояла жизнь, как она складывалась, профессиональная практика.

5

Ну и что было делать? – спрашиваю сам себя сегодня. Сидеть и тихо ждать, пока эта практика заостенееет, решит, что она и есть – норма? Так уж тогда сложилось, что рядом с такой вот практикой подрастала, уплотнялась теория, не только готовая объяснить прак-

тике, чем именно она дурна, но и способная/готовая помочь ей счастливо измениться...

«Становление духа корпорации...», – это 1995 год. В 2002-м издаётся «Моральный выбор журналиста»: программная монография «диполя» Бакштановский-Согомонов. В 2005-м выходит «Этика профессии: миссия, кодекс, поступок» тех же авторов, в которой журналистика включается в число изобретённых авторами «высоких профессий».

Не обсуждаю наступившей затем исследовательской паузы на том исследовательском направлении, которое связано именно с профессиональной этикой журналиста. Всё время помню о Юрии Вагановиче Согомонове. И психологическую травму, связанную с приземлением не в заданный квадрат *Тюменской этической медиаконвенции*, итога двухлетнего (!) межпрофессионального марафона, в основе которого лежали целевые встречи исследователей и журналистов, нарабатывавших современные представления о журналистской профессии и представление об её этических основаниях, тоже со счетов не сбрасываю.

Никакие не брейгелевские слепые, спотыкавшиеся где-то там в поисках правильного ориентира, а вполне себе зрячие заполучили примерно в то время в правильные провозжатые прозаические деньги на выполнение заказов – и вполне себе прижившийся в российских медиа интернет в качестве рабочего инструмента. Реально-должное споткнулось, бывает. И что?

Помню, каким диссонансом прозвучала на этапе, когда Конвенция уже была выведена под крышу, остужающая реплика Алексея Симонова: «Кодексы полезно вырабатывать, но опасно принимать». И его же реплику, почти не расслышанную тогда на тех высотах, на которые уже поднялись, да что там – воспарили к тому времени разработчики *ТЭМК*: «Главное для журналистов – договориться не врать!»

А что главное для исследователей, носителей нового знания, нового представления о том, как могут прочитываться именно в журналистике эти самые «миссия, кодекс, поступок»? Я бы сказал сегодня так: главное – никуда не спешить. Все, что могло быть сделано без настоящего приглашения изнутри чужой профессии, уже сделано и вывешено «до востребования». Не зовут – значит не пришло время: ещё или уже.

6

Образы, вводимые в текст, должны пересекаться – или же существовать самостоятельно, работая на какую-то задачу автора *не*

журналистского текста. Значимые для меня в данном случае образы, два из трёх, однажды пересеклись в совершенно неожиданном месте.

Несколько лет назад, гуляя по осеннему парку в Пушкине после первого дня одного из семинаров Института региональной прессы (ИРП) для журналистов Северо-Запада, я вдруг обнаружил на глади знакомого озера венецианскую гондолу, а на выходе из парка – знакомых брейгелевских слепых в бронзе. Снимками и гондолы, и скульптуры дорожку как реликвиями места и времени. Почему упоминаю о них в этом тексте?

Первая причина: только споткнувшись о совершенно невозможную, нелепую, выпадающую из пейзажа венецианскую гондолу в Пушкине, я полез в справочники и обнаружил то, что питерский культуртрегер знает с детства: знаменитые «линии» в этом городе – это непрорезанные, так уж сложилось, но ведь задуманные как примета Северной Венеции каналы. Пушкинская гондола встала в итоге как бы на место: вот что тут могло быть, когда бы ещё в петровские времена не разворовали деньги на рытьё этих самых каналов, а позже не отказались от этой идеи в принципе. А что было бы, когда их все же бы выкопали? Не хочу гадать, знаю главное: набережной неисцелимых в городе Бродского не образовалось, – наверное, к счастью.

Что же до скульптуры, переведшей в трёхмерное пространство брейгелевских «Слепых»: аллегория, потеряв цвет, сгустилась. Тогда, из Пушкина, я позвонил Владимиру Иосифовичу: а хорошо, что мы больше не создаём проектов этических документов. Слепые, ведущие слепых, в профессиональной этике – не жертвы же, а, вполне возможно, те козлы, которые увлекают баранов в последний загон, на бойню... Про козлов и баранов – реальная технология, о которой кто-то когда-то нам рассказывал мимоходом; то, что она вдруг перенеслась на себя, – ситуация, настроение, но и обнаруженный вдруг груз ответственности, способной наступить в логике «хотели как лучше».

Пару лет назад (человек слова) я, однако, инициировал запуск проекта *Медиаэтического стандарта* Общественной коллегии по жалобам на прессу. Почему, на каком основании, вопреки чему?

Идя с конца: вопреки энтропии, которая разрушает, разлагает упорно не желающую профессионализироваться журналистику. Профессия, в которой «можно всё» – уже не профессия, во-первых. И, во-вторых, в ситуации за три минуты до «нельзя ничего, кроме разрешенного законом»; профессиональная этика в таких условиях существовать не умеет, да ведь и сформироваться не успевает.

На каком основании? Да на хорошем, международно признан-

ном, правда – в своё время. Основание серьёзно, устойчиво, устаревание в деталях поправлено модернизацией до разумных границ, открыты два направления для радикального обновления, но путём опытным.

Почему и зачем? Тут ответ комплексный. Потому, что решения по тем информационным спорам, которые рассматривает Коллегия, не могут до бесконечности долго опираться на наши частные, зачастую не совпадающие представления о профессионально правильном и профессионально недопустимом. По той причине, далее, что сама Коллегия состоит из двух палат, то есть любое решение гипотетически может зависеть от численно преобладающих представлений об основах журналистской этики людей, которые именно от журналистики достаточно или даже безмерно далеки. (Моральные авторитеты в своих областях, в Коллегии они – члены Палаты медиааудитории, представители именно гражданского общества: в его достаточно частных проявлениях, понятно.) Ну, и, наконец, в силу того, что у современной российской журналистики нет реально действующих профессиональных ориентиров: *Хартия телерадиовещателей*, документ изначально не выдерживающий критики, умерла не родившись, а как живут *Кодекс профессиональной этики российского журналиста* и *Декларация Московской хартии журналистов* не знает, по сути, никто: оба эти документа давно состоят в ритуальных.

Идея *Медиаэтического стандарта Коллегии* [5] (внимание: не российского журналиста: пишущего, снимающего, наговаривающего текст, а самого органа само- и саморегулирования) родилась как опробованная в мире модель (британская Комиссия по жалобам на прессу пользовалась своим Кодексом практики), но при этом как рабочая альтернатива не работающим документам профессиональных организаций и ассоциаций. Его логика: орган саморегулирования основные стандарты журналистской профессии (базовые, перечисляемые по пальцам принципы и нормы) определяет так-то и так-то. На соответствие этим ориентирам мы и будем оглядываться, рассматривая очередную жалобу: объяснив это сразу и заявителю, и адресату жалобы. Теория «шаг за шагом», глядишь, постепенно приучим...

Но это – в оправдание усилий, которые вот-вот должны привести к переходу от проекта стандарта к действующему стандарту Коллегии. Это – про инструментарий. А что у нас с профессией?

7

Из резолюции X Съезда СЖР (2013 г.) «Мы обрушиваем на людей водопад фактов и новостей, но не можем объяснить суть происходящих событий. Журналистов мало интересует обычный человек,

ищущий защиту в неустойчивом и агрессивном мире. Медиа контент посвящен сильным мира сего в политике, бизнесе, развлечениях. Групповое равнодушие к читателю рикошетом бьет по журналистике и ее основам.

Медиа торгуют лояльностью, вместо того чтобы выполнять функции сторожевых псов общества. Всё больше слов о коррупции на медийном пространстве, о заказных материалах и компроматах. Мы не можем определиться со своей ролью в новых временах, подобрать костюм по росту. Когда медиа теряют доверие, это все равно, что камень, преградивший путь к роднику. Люди за чистой водой пойдут в другое место. И они идут.

В разных странах симптомы этой болезни проявляются по-разному. Но есть и общие черты. Прежде всего – журналист перестал быть практически единственным источником информации, которую только он и может передать миру.

В условиях существования неподцензурного Интернета привычная проблема взаимоотношений общества со средствами массовой информации во многом упрощается. Скрыть правду уже намного труднее, чем прежде, да и практически невозможно. «Неформальная журналистика» становится серьезным конкурентом печатных и электронных СМИ. И если журналистика не говорит людям правду о реальной жизни, то такая журналистика никому не нужна».

И сюда же, в подверстку, следующая выдержка из отчетного доклада Федеративного совета СЖР, который зачитывал Всеволод Богданов, председатель СЖР: уже отчасти подзабытая, но ведь достойная скрижалей расшифровка сказанного в том же году на ежегодной научно-практической конференции в МГУ Алексея Волина, заместителя министра связи и массовых коммуникаций.

«Журналист должен твердо помнить, что у него нет задачи сделать мир лучше, нести свет истинного учения, повести человечество правильной дорогой. Это все – не бизнес. Задача журналиста – зарабатывать деньги для тех, кто его нанял...». «Никакой миссии у журналистики нет... Молодые журналисты должны знать, что они будут писать о том, что им скажет владелец, то есть хозяин... Если вы этому не учите – вы совершаете преступление...». «Нам четко надо учить студентов тому, что, выйдя за стены этой аудитории, они пойдут работать "на дядю". И "дядя" будет говорить им, что писать и что не писать. И как писать о тех или иных вещах. И дядя имеет на это право, потому что он им платит. То, что я сказал, может нравиться, может не нравиться, но это объективная реальность, такова жизнь. И другой у нас не будет...».

Богданов, процитировав Волина, заявил, понятное дело, что «журналистика – далеко не только бизнес». Но вот что было сказано им следом: «Журналистику двигают – и исключений здесь нет – только идеалисты, причем иных за неверные взгляды на “объективную реальность” даже убивают. И мы никому не позволим утверждать, будто Щекочихин, Политковская, Хаджимурад Камалов или Дима Холодов отдали жизнь за доходы своих хозяев, и только за них. Сегодня нам надо защищать свою профессию. Миссию, если угодно».

8

Помолчим минуту, поскольку возникли четыре понятных имени. Но дальше-то постараемся понять: а куда за четыре минувших года ушел секретариат того же Союза журналистов, из состава которого за один год вышли – за несовместимостью представлений о самом союзе и его установках, – Павел Гутионтов (автор Кодекса СЖР), Юрий Батурин (соавтор Закона РФ «О СМИ»), Надежда Ажгихина (вице-президент Европейской федерации журналистов)?

А куда, главное, ушла сама российская журналистика: в её повседневных реалиях?

Бытовой ответ прост: туда же, только ещё дальше. Я лично два года назад фактически перестал смотреть телевизор: не могу совместить картинку и звук с представлениями о тележурналистике. Иногда заглядываю, но исключительно для того, чтобы убедиться: отключил правильно. Все худое про профессию – не под напором, а исключительно по мере поступления жалоб, пожалуйста; совать в этот ушат голову просто так – ни при какой погоде.

Ответ теоретический, предполагающий знание, не перебиваемое конкретным телесигналом? И тут не готов обсуждать в общем, могу – через реакцию Коллегии на конкретные жалобы. Картина удручающая, но такова нынешняя, по крайней мере, «федеральная» телевизионная жизнь, что делать.

Но как только мы сказали себе это вслух и всерьёз – прощай навсегда, небережная неисцелимых, до твоего поглощения территорией неисправимых – часы, а не поколения. Сказанное означает, что на горизонте – прежняя дилемма: ждать, пока позовут – или планировать следующий партизанский, сталкерский заход на территорию неисправимых. Но тогда – зачем и с чем?

Вожу ещё один обещанный образ: это Икар, только не мифологический, на словах, а брейгелевский.

Для тех, кто помнит картину не очень отчетливо, – специальная выдержка из Александра Гениса, друга и многолетнего соавтора Петра Вайля и приятеля Иосифа Бродского. «Принято считать, что

картина «Падение Икара» – притча о незамеченной трагедии. Непонятый гений, Икар погибает героической смертью, окруженный безразличием тех самых людей, которым он хотел дать крылья. Художник действительно демонстрирует нам, как все НЕ заметили падения Икара. На тонущего героя НЕ смотрят не только люди – пастух, рыбак, моряки и пахарь, но и животные – лошадь, собака, четыре птицы и двадцать овец. Но это еще не значит, что все они не заметили происшествия – оно их просто не заинтересовало. Окружающие не могли не слышать плеска и крика. Однако, неудача свалившегося с неба Икара им не казалась столь важной, чтоб перестать пахать, пастись или поднимать снасти.

Герои Брейгеля игнорируют не только Икара. Они и друг на друга не смотрят. Не только на этой, на всех картинах Брейгеля люди не встречаются взглядом – и на пиру, и в танце, даже пустые глазницы слепых глядят в разные стороны. У них нет ничего общего. В том числе – и общего дела.

Брейгелевские персонажи не могут охватить взглядом и тот мир, в котором живут. (...) Лишь зрителю доступен и смысл свершающейся трагедии, которую он не в силах предотвратить. Поместив зрителя над миром, позволив осознать причины и следствия всего происходящего в нем, Брейгель в сущности поставил нас в положение Бога, всемогущество Которого равно лишь Его же беспомощности. Бог не может помочь Икару, ибо исправляя ошибки, Он лишь преумножает их». И в завершение «этического уравнения», которое он выводит, Генис говорит: «Икара нельзя спасти. Его провал – не роковая случайность, а трагическая закономерность. Смерть Икара не жертва, а ошибка, не подвиг, а промашка. И сам он не мученик, а неудачник. Изображая жалкую кончину Икара в “холодной зеленой воде”, Брейгель взывает не к состраданию, а к смирению. Воля и мужество требуется не для того, чтобы исправить мир, а для того, чтобы удержаться от этой попытки. Помочь, ведь, вообще никому нельзя» [2, 72-74].

С Генисом можно соглашаться или не соглашаться. Для меня брейгелевское «Падение Икара» – символ сразу двух явлений, одной почти катастрофы и одной тяжелой травмы. Почти катастрофа – это то, что произошло и продолжает происходить с российскими СМИ и российской журналистикой после 1992 года. Ну, а травма – это отсутствие каких бы то ни было сигналов, запросов изнутри этой самой медиасреды, которые позволяли бы надеяться на целевой запуск поисковика НИИ ПЭ, на его повторный выход на неудобья профессиональной этики журналиста.

Не недооцениваю сложностей, которые поджидали бы «фирму» на подходах к реальному медийному полю. Оставляю в стороне повсеместное укоренение того типа журналиста, о котором писал Довлатов; напоминаю разве что об опасном, повседневно и повсеместно наблюдаемом торжестве пропагандистов: с прирождённым умением и хорошо простимулированным упорством кукушонка выпихивающих из профессионального гнезда новое поколение российских журналистов. Прикладная этика, где ты? – или прикладная этика, что тебе делать в этой ситуации?

Мы, практики-универсалы выработали когда-то для себя в Общественной коллегии замечательный по-своему документ: «признаки политической пропаганды с элементами языка вражды». Определить можем, назвать своим именем можем, отделить от журналистики можем или пытаемся, но явления-то, устойчиво наблюдаемое, никакой связкой признаков преодолеть не в силах не только потому, что явление это поддерживается, проплачивается, внедряется на поле журналистики в логике целевой установки. Проблема в том, что граждане, сознание которых ежедневно корёжит и калечит новая пропаганда, начинают воспринимать её как актуальную современную журналистику. Как, чем, каким образом помочь этим гражданам скорее проснуться, расколдоваться, если угодно, избавиться от доверия к этой заразе: крепкой, устойчивой, как сорняк; забивающей журналистскую практику, а с ней и журналистскую профессию? И может ли в чём-то на этом направлении нам, практикам, помочь НИИ ПЭ?

И второй вопрос, много более сложный, на самом деле, но ведь тоже требующий ответа. Всё понятно с властной пропагандой. Но вот есть замечательная «Новая газета»: один из последних выразителей тех самых свободных мнений, которых должно быть сколько угодно, но которые теперь не очень спешат проявляться. И вот Дмитрий Муратов, главный редактор «Новой», говорит на «Эхе»: «Русская журналистика традиционно – журналистика не наблюдения, а прямого действия. Я как-то здесь в этой студии рассказывал, что когда Чехов занимался переписью населения на Сахалине, он же напрямую вмешивался в то, чтобы увеличить количество воздуха в камерах для каторжников, он расследовал, каким образом, почему пули, если беглец убежал, почему пули попали ему в грудь, и доказывал, что это местная охрана так шалит и эту охрану меняли. Это Чехов. Это журналистика прямого действия. И эта традиция – она, безусловно, действует и сейчас». И далее: «Для меня милее этот репортер, который сейчас, бросив аппаратуру, из этого автобуса, взорванного в Сирии вытаскивал ребенка. Он для меня милее, чем тот знаменитый кадр, когда лежит умирающий человек на земле, а репортер, значит, ре-

портер это снимает. Может быть, мы не правы, может быть, мы все должны быть немного орнитологами. Вот, наблюдаем за птицами, за людьми, куда они полетели, где сели, приземлились. Вот здесь у них яйцекладка, да? Но мы живем в такое время и, в общем, в таком обществе, где нужно непосредственно иногда, обладая авторитетом и огромным весом газеты, напрямую помогать людям».

Читая сказанное Муратовым, досадую по части ролевой путаницы, связанной с поездкой Чехова на Сахалин. Чехов там был врачом, прежде всего, не журналистом, конечно же. Но что делать с дилеммой «спасать или снимать», казалось бы, давно разрешённой в теории, если она снова возникает у Дмитрия Муратова, члена Палаты медиасообщества Общественной коллегии, аргументом в пользу – внимание – «журналистики прямого действия»? И что делать с самой «журналистикой прямого действия»: куда именно и по каким этическим критериям её относить?

Вижу проблемы, иногда – дилеммы. Порой думаю, что знаю возможное решение тех и других. Но одна голова – хороша на острове. На материке – куда надёжнее, особенно в ситуации запредельных профессионального и общественного рисков – вместе, через дискуссию.

Вопрос в том как, каким образом Коллегии распорядиться реальной или мнимой возможностью повлиять на процесс профессионализации (снижения издержек депрофессионализации) отечественной журналистики, продолжающей оставаться в полосе шторма? Другая сторона (но того же вопроса): а что мы можем предложить осознающим угрозы депрофессионализации и пытающимся уцепиться за представления о журналистике в полосе и вовсе новой: не просто с «новыми медиа» и проблемами, с ними связанными, но с угрозой рассасывания, растворения, израсходования ресурсов профессии как таковой?

Список литературы

1. *Бродский И.* Набережная неисцелимых/ Перевод с итальян. Г. Дашевского. Л.: Лениздат, Команда А, 2014.
2. *Генис А.* Довлатов и окрестности. Филологический роман. М.: Вагриус, 2001.
3. Медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу (проект) // [Электронный ресурс]. URL: <<http://presscouncil.ru/index.php/teoriya-i-praktika/dokumenty/4756-mediaeticheskij-standart-2015>> (дата обращения 20.05.2017).

4. Становление духа корпорации: правила честной игры в обществе журналистов / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В. Казакова, А.К. Симонова, Ю.В.Согомонова. М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1995.

5. Тетради гуманитарной экспертизы (4) Медиаэтнос. Тюменская конвенция: ориентир самоопределения, способ собирания сообщества / Отв. ред. В.И.Бакштановский. Тюмень: Центр прикладной этики XXI век, 2000.